

УДК 316

ИНСТАВРАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

© 2013 г. Э. Г. Позднякова-Кирбятъева

Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды

В статье предлагается обсудить возможность использования для решения задач модернизации позитивного опыта прошлого, сохраняющегося в социально-исторической памяти. В этом плане предлагается рассмотреть потенциал инставрации как механизма социальных преобразований с опорой на исторические достижения советского периода.

Ключевые слова: *жизненный мир; модернизация; инставрация; социальная память; советское прошлое.*

In the article author presents the idea to discuss the possibility of using the positive experience of the past, that is saved in the social and historical memory, as a way to perform the tasks of modernization. As a part of the plan, author suggests to consider the instauration potential as a mechanism of social transformation, based on the historic breakthrough of the Soviet period.

Key words: *vital world; modernization; instauration; social memory; Soviet past.*

Процессы современной модернизации сопровождаются изменениями в жизненном мире, которые негативно воспринимаются значительной частью населения. Социально-историческая память о советском периоде содержит образ прошлого жизненного мира состоящем из доступных социальных благ, гордости за страну, уверенности в будущем. Нельзя просто игнорировать такую память, а следует учитывать ее в программах модернизационных преобразований. Речь идет не о реставрации жизненного мира эпохи СССР (что невозможно), а об инставрации социума.

Социальная память, сохраняющая позитивные образы советского периода, благодаря инставрационным механизмам может стать важным фактором общественных преобразований.

Считаем необходимым обсудить возможности использования позитивного опыта прошлого, сохраняющегося в социально-исторической памяти, для решения задач модернизации. В этом плане предлагается рассмотреть потенциал инставрации как механизма социальных преобразований с опо-

рой на исторические достижения советского периода.

Социальные преобразования предполагают изменение жизненного мира. Мы имеем в виду не индивидуальный жизненный мир, а социетальный, т. е. распространяющийся на социум, а не ограниченный рамками индивида. Жизненный мир — очень удачный термин и его не обязательно нагружать громоздкими коннотациями, как это делается в рамках феноменологии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.). Жизненный мир мы рассматриваем как интегральное понятие, обозначающее комплекс материальных, ментальных, социетальных явлений, составляющих в своем единстве жизненную среду существования человека. Жизненный мир — включает и целостное восприятие социума. Иным словами, важны не только объективные характеристики социальной среды, но и восприятие их людьми.

Процессы современной модернизации сопровождаются изменениями в жизненном мире, которые негативно воспринимаются значительной частью населения. Появляются феномены, вызывающие резкую критику

«обычных» людей (понятие «обычный человек», в соответствии с недавним исследованием российских социологов [6], широко используется в обиходе лицами, которые идентифицируют себя с большинством населения). Приведем цитату, распространенную в социальных сетях: «Может быть, кому-то не хватало в СССР бандитов, проституток, ментов-палачей, безработицы, чиновников-коррупционеров, терактов, инфляции, международных конфликтов, беженцев, платного образования и платной медицины, тупых сериалов и бездарной попсы по телевизору, церковей, мечетей и синагог, наркомании, педофилов, Ксюши Собчак, Куршавелей для одних и помоек для других, дефолтов и экономических кризисов, монетизации совести и капитализации человечности? Мне все вышперечисленное было совершенно не нужно. Александр Коммари, 1/260-миллионная часть бывшего советского народа» [5].

Такая критика автоматически задействует социальную память о времени, когда подобных явлений не было. Недаром, именно в социальной сети «Дети перестройки», тематически объединяющей лиц с обостренной социально-исторической памятью о предреставрационных годах, регулярно появляется критика современного общества.

Память о прошлом жизненном мире в его целостности, состоящем из бесплатного образования и здравоохранения, дешевого отдыха на море, натуральных продуктов, память о своей гордости за страну, уверенности в будущем, безмятежности составляет социально-историческую память об эпохе СССР.

Нельзя просто игнорировать такую память, а следует учитывать ее в программах модернизационных преобразований. Речь идет не о реставрации жизненного мира эпохи СССР (что невозможно), а об инставрации социума.

Инставрация (буквально — разглаживание) — термин постмодернистской философии и социологии, обозначающий диалектический, по сути, процесс преобразования, состоящий из комплексного применения (использования) новых и старых средств. В отличие от реставрации, инставрация предусматривает возвращение старого в новой преобразованной форме [4]. Относительно жизненного мира, инставрация означает про-

цесс возвращения некоторых черт, которые были присущи жизненному миру в эпоху СССР, но в новой форме и в новых условиях. Притом вопросом полемики является выбор вариантов инставрации: новая форма при прежнем содержании или новое содержание в прежней форме. Poleмика возникает при столкновении разных идеолого-политических и мировоззренческих позиций. Но общей является сама проблема необходимости инставрации, метода преобразований с учетом фактора социальной памяти.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Преобразования в жизненном мире имеют диалектический характер. Нельзя однозначно сказать, положительные или отрицательные последствия они имеют, поскольку все положительное содержит в латентной форме и отрицательное. Реформы, которые призваны улучшить качество жизни, часто приводят к противоположному результату. Разрушительный характер реформ порождает имитацию положительных черт нового жизненного мира и уменьшение их действительного позитивного потенциала. Для исправления ситуации требуется инставрация жизненного мира, которая предусматривает частичное возвращение к принципам организации жизненного мира, используемых ранее, но одновременно и обновления мировоззренческого багажа за счет различных средств коммуникации. Инставрация предусматривает учет особенности национальной ментальности, а не механическое копирование систем жизненного мира, сложившиеся в других культурных условиях. Радикальной новизной современного общества является коммерциализация социальной сферы или ее коммодификация. Напомним, что коммодификация — это «процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке» [1].

Настоящий запрос рынка, которому подчиняется сейчас жизненный мир, заключается в том, чтобы не просто получить некие социальные блага, но и обладать ресурсами для их обретения. Жизненный мир в современном обществе переживает кризис, причины которого определенным образом лежат в социетальных и институциональных преоб-

разованиях, связанных во многом с появлением рыночных и квазирыночных отношений. Можно сказать, что отдельные причины кризиса накладываются на также на причины глобального характера. Анализируя кризис жизненного мира можно отметить, что такой глобальной причиной является отставание запросов жизненного мира от возможностей развития общества. Это послужило катализатором масштабных реформ во многих странах мира.

Соответствующие реформы на протяжении многих лет осуществляются и в нашей стране. Но действительно ли они имеют тот эффект, на который рассчитаны? На наш взгляд, нет. Это стимулирует поиск новых подходов. Одним из них является инставрация жизненного мира. Опишем принципы инставрации жизненного мира и аргументацию относительно ее необходимости.

Инставрация — это особый тип исторического действия, практика реактуализации нереализованных исторических возможностей. Инставрация, в отличие от реставрации, — это не возвращение назад, а использование опыта прошлого в современных условиях [4]. Согласно виртуальной энциклопедии, «Инставрация — это действие, восстанавливающее разрушенное; завершающее незавершенное и недоделанное; освобождающее то, что было пленено, «залипло», «попало в складку»; наводящее справедливость и воздающее всем по заслугам» [4]. Российский философ Андрей Ашкеров, рассматривая сущность инставрации, отмечает, что инставрация предполагает освобождение сил, спрятанных в прошлом, для целей нового развития. Инставрация также имеет характер врачевания, целительства. Она залечивает, позволяет регенирироваться, начать расти заново. Это не практика восполнения, но практика возобновления. С инставрацией сопряжено начало некогда прерванного или заторможенного роста. Не возвращает потерянное, но исключает потерю, обращает ее в приобретение. Это радикальная процедура, по-настоящему возвращающая жизнеспособность, но никак не имитирующая ее сохранность «вопреки всему». Общий принцип инставрации: ее инициаторы неизменно принимают во внимание то, что *решение любой исторической задачи рано или поздно приводит*

к изменению ее начальных условий. Подобно реставрации, инставрация действительно предполагает некое возвращение, возобновление, повтор. Однако, в отличие от реставраторов, инставракторы прекрасно отдают себе отчет в том, что, возвращаясь, возобновляя или повторяя нечто, мы, тем же самым движением, смещаем исходную точку, к которой стремимся. Вектор смещения предусматривается изначально, поскольку инставракторы, как никто другой, понимают неизбежность дрейфа на пути к поставленной цели — и, более того, *стремятся* к этому [2].

Рассмотрим проблематику жизненного мира с позиции концепции инставрации. Принципиальной особенностью инставрационных преобразований является учет социально-исторической памяти.

В советские времена развитие жизненного мира планомерно и централизованно согласовывалось с возможностями общества. Разрабатывались балансы между развитием отдельных компонентов жизненного мира (здравоохранения, образования, рекреации и пр.) и ресурсной базой общества. Социальные функции жизненного мира реализовывались до определенного времени в целом четко и эффективно. Но на эту, четко работающую систему, оказали разрушительное воздействие два социетальных фактора. Во-первых, была разрушена централизованная система контроля за сохранение соответствующих балансов. Во-вторых, перестала существовать система уравнительного распределения, резко снизилась роль общественных фондов потребления. Оба обстоятельства стали следствием разрушения плановой, централизованной экономики, изменения общественно-политических отношений в обществе. Основные компоненты жизненного мира стали товаром и, соответственно, стали подчиняться законам рынка. «Свобода» воцарилась в области формирования и функционирования жизненного мира. Практически полностью была разрушена система балансов между ресурсами общества и запросами жизненного мира. Властвующая элита не в полной мере осознает опасность такого дисбаланса.

В закрытом обществе, каким был СССР, действовал экономический закон, согласно которому в обществе не возникают потребности, которые нельзя было бы удовлетво-

ритель исходя из существующих экономических возможностей. В социальной памяти сохранился образ прошлого, в котором находили удовлетворение основные потребности людей в образовании, здравоохранении, отдыхе, безопасности и уверенности в будущем. Из внимания субъекта памяти упускается то обстоятельство, что потребности людей прошлого были значительно скромнее, чем нынешние. Современность отличается критическим превышением потребностей людей над возможностями их удовлетворения исходя из экономических возможностей страны. В открытом обществе, каковым и является современное постсоветское общество, потребности формируются во многом благодаря информации, поступающей из-за рубежа. Люди видят, как можно жить и хотят такого же. Кроме того, богатые люди перестали скрывать свое превосходство перед людьми, как это было во времена СССР. Богачи стали кичиться своим богатством, что порождает социальную зависть и непомерный рост потребностей вне зависимости от возможностей страны. Это-то и порождает социальную напряженность, неудовлетворенность жизнью, властями, временем. Одной из реакций на неудовлетворенность своим временем и является ностальгия по СССР.

Вот некоторые записи на форуме «Дети перестройки» [3]: «Я жил в период 70х и 80х и всегда считал, что наш СССР самая лучшая страна, родители по составу семьи получили 3х комнатную квартиру, учились и лечились, даже не думая о подарках и взятках. Да у нас в семье не было автомобиля, колбасу и сыр ели по праздникам, но я ни когда не считал, что это плохо. И при желании своей головой всегда можно было получить бесплатное образование». «Здравствуйтесь! В СССР у детей все было! Была школа, были спортивные клубы! Каждый хотел стать октябренок! Потом пионером! Было для чего учиться! Было всегда какая то общность и взаимопонимание! Сейчас этого нету!» «Я дочь Советского Союза и горжусь этим! Мои все воспоминания связаны только с хорошими воспоминаниями. Это образование, где учителя были в почете, потому что они стремились и считали своим долгом дать знания. Люди были очень добрые, открытые, щедрые никто не пройдет мимо прохожего если ему плохо, даже

если он пьян, в любой дом постучи, попроси кружку воды, тебя в дом позовут и еще на кормят, а сейчас что? злость, недоверие, закрытость, черствость и сплошные интриги. Медицина — ответственные врачи, которые боролись за жизнь каждого, кто поступил, чистота и порядок, всегда улыбочивые врачи, которые давали надежду на положительный результат» (орфография и пунктуация цитат сохранены).

Приведенные данные о содержании социально-исторической памяти относительно жизни в СССР нуждаются в теоретической рефлексии. Следует рассмотреть особенности социальной памяти.

Феноменологию социально-исторической памяти пронизывает проблематика «репрезентации прошлого». То есть, центром внимания является не само прошлое, а его репрезентация, его интерпретация носителем памяти, изложение содержания памяти реальным или воображаемым слушателям и читателям. Феноменологическая постановка вопроса предполагает не поиск истины, а интерпретацию образа прошлого, как он (образ) существует и воспроизводится субъектом.

Рассматривая содержание памяти надо избегать ошибки смешения собственно предмета воспоминания и его образа. Это две разные субстанции. Французский философ, специалист по проблемам социальной памяти П. Рикер считает, что существует распространенная ошибка, когда люди считают, что «присутствие, в котором, как кажется, заключается репрезентация прошлого, есть репрезентация образа». Философ поясняет: «Говорят без какого-либо различия, что представляют себе прошлое событие, или что имеют образ прошлого, который может быть почти зрительным или слуховым» [7]. Иными словами нельзя отождествлять образ прошлого и самое прошлое. Следует также обращать внимание не только на содержание высказывания о прошлом, но и на субъекта памяти. Опираясь на приведенные теоретические суждения отметим, что наиболее активными носителями позитивного в памяти об СССР, судя по тексту высказываний, являются пожилые люди из благополучных семей, не испытавшие репрессий, или иных ущемлений со стороны властей того времени. Поэтому они воссоздают позитивный образ прошлого

го, который не надо смешивать с собственно прошлым. Мы сейчас не ставим вопроса об истинности приведенных суждений. Важен сам факт наличия в коллективной памяти позитивного образа советского прошлого, в котором значительное место отводится оценочным суждениям относительно жизненного мира того времени. Осуществляя социальные преобразования нельзя игнорировать этот факт. Процессы модернизации должны сопровождаться инставрационными акциями, одной из которых является выработка аргументов в пользу позитивных реформ с учетом содержания социальной памяти. Необходимо так формулировать аргументы, чтобы позитивный образ прошлого органично сочетался с позитивными явлениями настоящего. Модернизация должна рассматриваться в контексте решения задач, которые не до конца были решены в прошлом. Обращаясь к образу прошлого, следует извлекать из него позитивный смысл и вкладывать его в преобразования нового времени. Здесь инставрация выступает как когнитивный процесс и рассматривается в гносеологической плоскости, в плане целеполагания перспективы модернизации.

Другим, более сложным воплощением инставрационных преобразований является комплекс мер, идеологически опирающихся на позитивные образцы прошлого, но направленные на решение современных проблем. Эти меры могут рассматриваться как часть компенсаторных механизмов, корректирующих недостатки современного жизненного мира.

Инставрация может способствовать преодолению разрыва между двумя функциями жизненного мира. Первая из них предусматривает возможность получать комплекс благ, соответствующих представлениям о справедливости человека с определенным статусом. Эта функция предотвращает статусную неконсистентность, являющуюся источником жизненных фрустраций человека.

Вторая функция состоит в обретении смысла существования в контексте общенациональных перспектив, отвечающих требованиям ответственности перед будущим.

Непротиворечивое сочетание этих функций было характерной чертой жизненного мира советской эпохи, что объясняло пара-

докс оптимистического жизненного настроения при суженных, объективно скромных объемах потребления.

Наличие указанного разрыва функций жизненного мира не позволяет адекватно воспринимать результаты модернизации, обесценивает их значение.

В обществе есть понимание данной проблемы. Соответствующие руководящие институты инициируют реформы, призванные улучшить состояние жизненного мира. Приущая инставрация духовная составляющая может придать модернизации более отчетливый нравственный смысл. А. Ашкеров подчеркивает, что «инставрация представляет собой способ исторического действия, основанный на систематическом обнаружении морального подтекста истории. По сути, практика инставрации превращает историю в арену осуществления долга» [4].

Таким образом, модернизация «с человеческим лицом» предполагает тесную духовную связь с прошлым. В этом плане социально-историческая память, сохраняющая позитивные образы советского периода, благодаря инставрационным механизмам может стать важным фактором общественных преобразований, служащих, в конечном счете, формированию достойного жизненного мира современного человека. Инставрация жизненного мира предусматривает освобождение сил, спрятанных в прошлом, для целей нового развития, а также преемственность в использовании средств и институциональных условий модернизации.

Литература

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С., Ерофеева С. А. (ред.) Социологический словарь. — М.: Экономика, 2004.
2. Ашкеров А. Деконструкция и инставрация [Электронный ресурс] / Русский журнал. — Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Dekonstrukciya-i-instavraciya>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.
3. Дети перестройки [Электронный ресурс] / Форум. — Режим доступа: <http://ccsr.forblabla.com>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.
4. Инставрация [Электронный ресурс] / «Традиция». Русская энциклопедия. — Ре-

жим доступа: <http://traditio-ru.org/wiki/Инс-таврация, свободный> (20.05.2013). — Загл. с экрана.

5. *Коммари А.* Уважаемые советские коммунисты! [Электронный ресурс] / За Державу обидно! — Режим доступа: <http://swalker.org/statii/180-za-derzhavu-obidno.html>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.

6. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры [Электронный ресурс] / Журнал «Гефтер». — Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/8369>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.

7. *Рикер П.* Память, история, забвение. — М.: Изд-во гуманит. лит., 2004.

Поступила в редакцию

22 апреля 2013 г.

Эллина Геннадьевна Позднякова-Кирбятьева — кандидат социологических наук, докторант кафедры политологии, социологии и культурологии Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды.

Ellina Gennadyevna Pozdnyakova-Kirbatyeva — Ph.D., Candidate of Sociology, competitor for Doctor's degree at the Kharkov National Pedagogical University of G. S. Skovoroda name department of Political Science, Sociology and Study of Culture.

69076, Украина, г. Запорожье, ул. Новгородская, 22А, кв. 92
22A Novgorodskaya st., app. 92, 69076, Zaporozhye, Ukraine
Тел.: + 38 (063) 316-44-99; e-mail: cobrian@mail.ru